

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

ШЕЛОВ С. Д.

ТЕРМИНОЛОГИЯ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА И ПРОФЕССИОНАЛИЗМЫ

(К проблеме классификации специальной лексики)

Проблема классификации лексического состава языка всегда занимала видное место в лингвистических исследованиях. Это объясняется и ролью слова в системе языка в целом, многообразием и сложностью связей слова с другими языковыми единицами и разнообразием внутри- и внеязыковых характеристик самого слова как такового. Полифункциональность лексических единиц, неуловимость переходов от одного лексического класса к другому, с одной стороны, и глубокая связь классификации слова с важнейшими задачами теории языка, с другой, — вызывают существование «вечных вопросов» классификации словарного состава языка: таковы проблемы частей речи, стилистической дифференциации слов и т. п.

Значительный интерес вызывает и описание структуры и основных классов специальной лексики и, в частности, терминологии.

На первый взгляд, провести классификационные границы в области общезыковой лексики, используемой в самых различных видах общения, объективно труднее, чем установить важнейшие классы лексических единиц, явно ориентированных на один вид коммуникации. С этой точки зрения членение лексики, обслуживающей преимущественно профессиональные сферы общения (т. е. лексики семантически и коммуникативно, безусловно, более однородной, чем общая, неспециальная лексика), казалось бы, не должно вызывать больших разногласий. Между тем выясняется, что выделение основных классов специальной лексики сопряжено со значительными трудностями и, как следствие этого, с большим разнообразием точек зрения на этот вопрос.

В настоящей статье рассматривается только один аспект членения лексики, употребляемой преимущественно в науке, технике, ремеслах, других сферах общения. Языковедческие исследования обычно квалифицируют ее как специальную; в общих толковых словарях она снабжается либо пометой, непосредственно называющей соответствующую тематическую сферу (ср., «юрид.», «биол.», «хим.», «полигр.», «спорт.» и т. п.), либо более общей пометой «спец.». Следуя этой традиции, мы также будем называть ее специальной, а основное внимание уделим соотношению «профессиональная лексика — терминология», существующему в рамках этого многочисленного класса языковых единиц. Принципиальными в принятом изложении являются вопросы о совпадении или несовпадении класса профессиональной лексики с классом терминов. Если это один и тот же языковой материал, то как объяснить устойчивую традицию различения профессиональной лексики, с одной стороны, и терминологии, с другой? Если классы соответствующих слов и словосочетаний не совпадают, то имеется ли у них общая часть и каковы ее границы? В случае несовпадения этих классов возникает также вопрос о том, какие единицы могут быть отнесены только к терминологии, а какие — исключительно к профессиональной лексике¹.

Пытаясь ответить на эти вопросы, мы будем привлекать к изучению два вида материалов. Во-первых, это прямые высказывания исследовате-

¹ Придерживаясь этой проблематики, в данной работе мы стремимся не затрагивать другие, более общие и спорные вопросы о языковой природе термина.

лей о соотношении между профессиональной лексикой и терминологией. Во-вторых, это работы, которые, не ставя своей прямой целью описать отношения между анализируемыми классами слов, так или иначе, иллюстрируют понятия «профессиональная лексика» и «терминология». Историко-графическая часть статьи ни в коей мере не претендует на полноту, а лишь пытается наметить основные, наиболее принятые точки зрения.

Одно из распространенных мнений состоит в том, что профессиональная лексика и терминология — это совпадающие классы слов и словосочетаний. В пособии по лексикологии Н. М. Шанский, например, отмечает: «Профессионализмы обозначают специальные понятия, орудия или продукты труда, производственные процессы. Поэтому их называют иногда специальными словами или специальными терминами» [1]². Далее автор в качестве примеров профессионализмов приводит несколько слов, которые с полным правом могут иллюстрировать и соответствующую терминологию, ср.: *скальпель* (из медицины), *шпон* (тонкая металлическая пластинка, не достигающая высоты шрифта, вставляемая между строками набора для увеличения расстояния между ними — из полиграфии), *шканцы* (часть верхней палубы военного корабля — из морского дела), *алиби* (из юриспруденции), *мездра* (из кожевенного производства) и т. п. Нерасчлененно, как однородный лексический пласт, рассматривается профессиональная лексика и терминология в ряде других работ [2—4]. О. С. Ахманова пишет: «...словарь отдельных социальных групп людей обычно включает... определенное количество специальной лексики, обусловленной специфическими профессиональными и другими интересами данной социальной группы. Так, например, языковед... непременно использует такие специальные слова, как *парадигма*, *фонема*, *словосочетание* и т. п.; математик — такие слова, как *сектор*, *дифференциал*, *уравнение*, *тяготение* и др.; астроном — такие, как *перигелий*, *протуберанцы*, *солнцестояние*.... При конкретном различии, обусловленном принадлежностью к разным областям знания, термины разных специальностей имеют общую стилистическую характеристику...» [4, с. 275—276].

Традиция объединения терминологической и профессиональной лексики в один разряд специальной лексики имеет серьезные основания. Специализация значения и образование на этой основе особых, отличных от общезыковых лексико-семантических систем, ограничение и количества употребляющих данные языковые единицы в данном значении, и сферы их употребления — безусловно, общие черты профессиональной и терминологической лексики (при любом естественном их понимании). С этих позиций противопоставление «профессиональная лексика — терминология» выглядит как будто не всегда понятным. Интересно, что в обширной терминоведческой литературе вопрос о разграничении этих двух понятий, как правило, не возникает, напротив, в лингвистической литературе, отстаивающей термин «профессиональная лексика», авторы всегда считают необходимым указать дифференциальные признаки этого понятия, в первую очередь специально оговаривая его несовпадение с понятием терминологии. Во всяком случае, приведенные примеры, которые легко можно было бы умножить, свидетельствуют о том, что терминология и профессиональная лексика имеют значительную часть общих единиц — слов и словосочетаний. Используя понятия теории множеств, можно было бы сказать, что эти два множества пересекаются и это пересечение может насчитывать сотни тысяч элементов. Однако примеры, хотя бы даже очень многочисленные, оставляют открытым вопрос о том, имеются ли единицы, специфические только для терминологии, с одной стороны, и только для профессиональной лексики, с другой. Для его решения обратимся к тем исследованиям, в которых эти понятия трактуются по-разному.

Такой подход представлен, например, в работе М. Д. Степановой и И. И. Чернышевой, по мнению которых «профессиональный словарь по своему составу связан, в основном, с архаической лексикой старых

² Здесь и далее все выделения в цитатах сделаны нами. — III. С.

ремесел и специальных занятий, возникших в различные периоды позднего средневековья» [5, с. 216]. Еще более определенно высказывается В. Н. Портянникова: «Терминология — это специальная лексика современной науки и техники. Профессиональная лексика — это лексика, развившаяся и достигшая расцвета в период ремесленного производства...» [6]. В числе занятий, вызывающих к жизни профессиональную лексику (в этом ее понимании) называют плотницкое дело, морское дело, горнорудный промысел; часто сюда добавляется охота, рыболовство. Полный перечень областей трудовой деятельности, имеющих развитую профессиональную лексику (но не терминологию!), установить не удастся, но общим моментом в работах этого направления является признание древности соответствующих занятий. Большую роль в формировании взгляда на профессиональную лексику как на архаическую лексику старых ремесел и специальных занятий сыграл Ф. Клуге (1856—1926), изучавший специальную лексику немецкого языка периода феодальной раздробленности Германии. В этой связи и термин «профессиональная лексика» приобретает целый ряд социально-исторических ассоциаций, вызванных цеховой замкнутостью и ограниченностью производства при феодализме. В частности, отмечается, что «развитие крупного машинного производства, новой техники, естественно, должно было сузить сферу профессиональных говоров» [5, с. 216], привести к вытеснению профессиональной лексики терминологией. В области судоходства и морского дела этот процесс весьма образно описывал Ф. Клуге [7].

Связь профессиональной специализации лексики с закономерностями социально-исторического развития общества широко обсуждалась в отечественной литературе. Социальные характеристики слов, обозначающие профессиональные понятия, в период, предшествующий образованию национальных государств и формированию национальных языков, и слов той же группы в период развитых национальных языков не могут не быть глубоко различны. Изучение истории профессиональной и терминологической лексики, степени ее распространенности, фиксации в письменных источниках, литературной обработанности на фоне истории и трудовой жизни народа имеет богатые традиции. С этой точки зрения сложившаяся оппозиция «профессиональная лексика — терминология» безусловно заслуживает рассмотрения.

Попытаемся оценить введенное разграничение сначала с точки зрения языковой синхронии. В самом деле, имеются ли внутриязыковые характеристики, отличающие при таком подходе профессиональную лексику от терминологии? В качестве такой характеристики иногда называют большую образность профессиональной лексики (обусловленную метафоричностью принятых в ней обозначений), большую ее «фольклорность». Как примеры приводят названия частей тела животных в охотничьем лексиконе типа нем. *die Blume* («цветок» → «хвост зайца»), *die Fahne* («флаг» → «хвост белки»), *die Rute* («прут» → «хвост собаки», «хвост волка») ³; названия различных частей корабля типа нем. *der Bauch*, *die Nase* и т. п. [5, с. 216]. Однако исследования показывают, что процесс метафорического (как и метонимического) переноса охватывает различные разряды слов и словосочетаний профессиональной сферы употребления. К ним относятся и распространенные в технике термины типа *колено*, *лапа*, *шейка*, *хомут*, *клык* ⁴, процесс этот охватывает и названия вполне современных и новейших областей знаний, и вряд ли имеются основания не считать лексику этих дисциплин терминами: ср., например, *петля*, *ребро*, *колесо* (в теории графов) или *вилка репликации*, *нить веретена*, *отщипуровывание* (в генетике).

³ Ср. аналогичные явления в русском охотничьем лексиконе: *цветок*, *труба* и т. п. [8, с. 114]. Разнообразные сведения об охотничьей лексике собраны в работе И. Лоренца с характерным названием «Русская охотничья терминология» [9].

⁴ Можно спорить о наличии или отсутствии эмоционально-экспрессивных элементов в значениях этих единиц, их образности, но их принадлежность к терминологии как будто не вызывает сомнений (см., например, работу А. А. Реформатского [8, с. 111]).

Столь же сомнительным оказывается и следующий критерий разграничения, который предположительно выдвигают некоторые исследователи: большая точность терминологической лексики — меньшая точность профессиональной лексики [10, с. 130; 11, с. 140]. Нетрудно привести случаи, когда дело обстоит скорее наоборот: весьма точные обозначения, возникшие в сфере традиционных трудовых занятий человечества, и очень неточные, расплывчатые, требующие развернутых пояснений номинации в современной науке. Так, названия разновидностей рубанка в плотницком деле, которые часто приводят в качестве профессиональной, но не терминологической лексики (*наструг, горбач, дорожник, занзубель* и т. п.) гораздо определеннее и точнее в своей конкретности, чем общенаучные термины типа *модель, система, структура* или *научная парадигма, теоретический термин, эмпирический термин* в исследованиях по методологии науки или *глубинная синтаксическая структура, поверхностная синтаксическая структура* в языкознании. Такие факты, разумеется, не следует ставить в упрек соответствующим областям знаний: различная лексика может отражать совершенно различный уровень обобщения в процессе познания. Но они делают весьма проблематичным выделение с указанных позиций тех сфер производственной и научной деятельности, которые ориентируются только или преимущественно на профессиональную лексику, и тех сфер, которые используют терминологию.

Много неясных моментов оставляет обсуждаемое противопоставление и с точки зрения языковой диахронии.

Квалификация специальной лексики как «профессиональной», но не «терминологической», на наш взгляд, разделяет исторически преемственный и развивающийся пласт специальной лексики на два хронологически несопоставимых класса наименований — профессионализмов, с одной стороны, и терминов, с другой. Бесспорно, что «территориальная раздробленность мелкого товарного производства, — как отмечает В. М. Жирмунский, — придает профессиональной терминологии ярко выраженный местный, региональный характер» [12, с. 107]. Бесспорно также значение этого факта для сравнения специальной лексики в историческом прошлом и в наши дни. Однако является ли это обстоятельство достаточным основанием для проведения демаркационной линии между профессиональной лексикой и терминологией? Ведь назначение и той, и другой остается общим — обозначение специальных предметов и понятий, связанных с производственной деятельностью. В связи с этим не является ли предпринятое разграничение лишь переформулировкой вопроса о древности того или иного профессионального (а вместе с тем и терминологического!) пласта лексики? Но тогда именно признание языковой общности обозначения и в глубокой древности, и в наши дни специальных понятий ремесел и производств, общественных занятий и областей знания (а также закрепление этого признания соответствующей номинацией) позволяет естественно, без терминологических недоразумений говорить об историческом развитии специальной лексики. В этом случае отпадает и «неразрешимый» вопрос о том, какие именно ремесла и занятия исторического прошлого обслуживались профессиональной лексикой, а какие — терминологией: он трансформируется в сложный, но разрешимый с помощью исторических и языковых данных вопрос об истории формирования терминологической (а вместе с тем и профессиональной) лексики и определении на основании этих данных древнейших терминологических единиц и терминологий.

Более правомерной поэтому представляется нам другая устойчивая традиция — традиция называть древнейшие специальные наименования, касающиеся трудовой и производственной деятельности, терминами и говорить о соответствующей терминологии. В русле такого словоупотребления лежат, в частности, многочисленные исследования лексики ремесел, которая вполне привычно называется «профессиональная лексика», «профессиональная терминология» и просто «терминология». Монография О. Н. Трубачева «Ремесленная терминология в славянских языках»

содержит, например, исследование более тысячи терминов, связанных с древнейшими производственными процессами у славян [13]. Вот лишь немногие термины русского языка из области традиционного прядения и ткачества: *мяло, кострика, треста, трепало, мыкать, куделя, чесать, бёрдо, веретено, сучить, мотовило, клубок*. Реконструкция многих из этих терминов относит их к глубокой, праславянской древности [13, с. 46—142]. Для настоящей статьи особенно актуальны исторические данные, которые ставят под сомнение положение о том, что профессиональная лексика более архаична, чем терминологическая (как это может показаться, если принять обсуждаемую оппозицию «профессиональная лексика — терминология»).

Этапу ремесленного труда, связанному с производством на заказ, как известно, предшествует длительный период натурального хозяйства и материального обслуживания нужд отдельной семьи. Б. А. Рыбаков, изучая производственные процессы в русской деревне, пишет в этой связи: «Вплоть до XIX в. почти каждая крестьянская семья своими силами рубила избу, ладила соху, борону, ставила ткацкий стан, дубила овчины, прядла и ткала лен, изготавливала деревянную мебель и утварь» [14, с. 182]. Говоря о ткачестве в русской деревне X—XIII вв., Б. А. Рыбаков подчеркивает: «Несмотря на сравнительно высокий уровень развития ткацкого дела в деревне (цветные узорные ткани, вышивки), у нас нет данных предполагать превращение его в ремесло» [14, с. 188]. Важность доремесленного этапа производства акцентирует в упомянутой работе и О. Н. Трубачев: «Так вырисовывается еще одна важная особенность древнего, а также вообще традиционного текстильного народного производства — его стойкий, домашний характер, содействовавший тому, что, например, ткачество стало поздно ремеслом в подлинном смысле» [13, с. 7]. В то же время бесспорно, что существование соответствующих внеязыковых реалий — орудий труда, производственных процессов и т. п. — вызывало к жизни и соответствующие специальные обозначения. Этот факт подтверждается и историческими источниками, и методами сравнительно-исторического языкознания. Отсюда в свою очередь следует, что специальная лексика трудовой деятельности часто предшествует специализации и профессионализации труда, во всяком случае, необходимых для приобретения этой трудовой деятельностью ремесленного характера. В этом смысле термины как специальные, тематически ограниченные обозначения оказываются не новее, а, напротив, древнее профессиональной лексики, если иметь в виду прямое значение этих слов: лексика (той или иной) профессии и т. п. Таким образом, представление о более архаическом характере профессиональной лексики по сравнению с терминологической оказывается весьма уязвимым.

Впрочем, этот краткий экскурс мы предприняли только для того, чтобы выяснить возможные историко-лингвистические последствия оппозиции «профессиональная лексика — терминология», если настаивать на ее значимости. Реальное же употребление терминов «профессиональная лексика» и «термин, терминология» свидетельствует, что эта оппозиция не принята в сочинениях исторической и этнографической тематики.

Показательно в этой связи словоупотребление этих терминов и в лингвистической литературе, при котором они легко и часто синонимизируются. Часто цитируется, например, толкование профессиональной лексики В. М. Жирмунским, приведенное в работе «Национальный язык и социальные диалекты»: «С этим (с профессиональной специализацией. — Ш. С.) связано развитие дифференцированной профессиональной лексики, языков „ремесел и промыслов“, которыми пользуются только представители данной профессии. Сюда относятся названия для орудий производства... названия трудовых процессов... технические термины, относящиеся к различным сортам сырья... профессиональные выражения, характеризующие общественную организацию данной отрасли производства: одним словом — вся техническая и профессионально-общественная терминология, спе-

цифическая для определенной сферы трудовой деятельности человека» [12, с. 107]. Характеризуя профессиональную лексику, Жирмунский отмечает: «...обращает на себя внимание крайняя дифференцированность специальной терминологии» [12, с. 110]. В цитируемой работе, насколько нам удалось установить, вообще нет разграничения профессиональной лексики и терминов. Термин «профессиональная лексика» используется В. М. Жирмунским либо как термин более широкий, чем термин «терминология» (ср. приведенную цитату), либо как синонимичный ему⁵.

В известном учебнике по языковедению для вузов А. А. Реформатского, много занимавшегося проблемами терминологии, одни и те же примеры специальной лексики могут трактоваться и как термины, и как профессионализмы, причем эти примеры взяты из области столярного дела (*разделатль под орех, ни сучка, ни задоринки*), охоты (*цветок — хвост зайца*), собаководства (*скамья — спина борзой*) [8, с. 110—128].

В целом анализ употребления терминов «профессиональная лексика» и «терминология» в советской лингвистической литературе свидетельствует о том, что их различие с тех позиций, которые обсуждались выше, по-видимому, не получило широкого распространения. Кроме уже сказанного, приведем в доказательство этого положения, например, заглавия нескольких диссертационных работ: «Древнеанглийская ремесленная терминология», «Способ номинации в сельскохозяйственной терминологии», «Семантика термина как члена общелитературной лексики (на материале английской морской терминологии)», «Русская судоходная терминология в историческом аспекте»⁶. Трудности разграничения профессиональной и терминологической лексики с указанных позиций подтверждает и использование в некоторых работах сочетания «профессионально-терминологическая лексика» [16].

Таким образом, обсуждаемое противопоставление, с нашей точки зрения, не выделяет внутриязыковых различий между этими классами слов и словосочетаний. Оно имеет смысл только для социолингвистической характеристики лексики определенной исторической эпохи — характеристики, не всегда отражающей преемственность исторического развития этого типа наименований, в связи с чем и сфера применения этого противопоставления остается весьма ограниченной.

Другая линия размежевания терминологии и профессиональной лексики намечена в работах А. В. Калинина [11], В. Н. Прохоровой [17], Н. И. Фоминой [18], В. Н. Сергеева [19], Н. Н. Медведевой [20], и проявляется она как противопоставление терминов профессионализмам. При этом, правда, обнаруживается, что профессионализмы составляют лишь часть профессиональной лексики; и все же, принимая это противопоставление, мы могли бы констатировать, что некоторая часть профессиональной лексики — например, профессионализмы⁷ — никогда не совпадает с терминологией. Это само по себе служит достаточным основанием для различения профессиональной лексики и терминологии и заставляет нас обратиться к соответствующей оппозиции.

⁵ В пособии по лексикологии [10] отдельные высказывания В. М. Жирмунского в общем контексте изложения вопроса о профессиональной лексике и о терминах предстают как принятие им соответствующей дихотомии (введенной, возможно, Ф. Клуге). В свете сказанного мы не можем согласиться с такой интерпретацией взглядов В. М. Жирмунского. По поводу этого противопоставления он пишет только следующее: «Об этом (о потеснении профессиональной лексики терминологией. — *Ш. С.*) свидетельствует, например, проф. Ф. Клуге, известный исследователь немецких профессиональных „языков“⁴, с характерной для романтического народничества оценкой совершающегося в языке переворота...» (и далее цитата из Ф. Клуге) [12, с. 109].

⁶ Последнее является заглавием докторской диссертации Б. Л. Богородского; интересно сравнить его с первой фразой автореферата этой же работы: «Изучать профессиональную лексику (*sic!* — *Ш. С.*) важно и с практического и с теоретического точек зрения» [15, с. 3].

⁷ Таким образом, термин «профессионализм» оказывается многозначным. Его первое, более широкое значение определяется О. С. Ахмановой как «слово или выражение, свойственное речи данной профессиональной группы» [21]. Второе, более узкое значение рассматривается далее.

Решающим в соотношении «термины — профессионализмы» предстает фактор «официальности», «узаконенности» первых и «неофициальности» («полуофициальности»), «неузаконенности» вторых. Вполне определенно эта мысль проводится А. В. Калининым: «Разница между термином и профессионализмом заключается в том, что термин — это совершенно официальное, принятое и узаконенное в данной науке, отрасли промышленности, в сельском хозяйстве, технике обозначение, название какого-то понятия, а профессионализм — полуофициальное слово, распространенное (чаще в разговорной речи) среди людей какой-то профессии, специальности, но не являющееся, в сущности говоря, строгим, научным обозначением понятия» [11, с. 140]. Говоря о профессионализмах, тот же автор обращается к специальной лексике полиграфии и корректорского дела и приводит в качестве примеров *висячая строка, вожжи, коридор, осадить марашку, форточка* и т. п. При этом подчеркивается, что в одном из справочных изданий, куда включены эти единицы, они лексикографически оформлены кавычками, что является подтверждением их квалификации как профессионализмов, но не терминов: «Кавычки как раз и подчеркивают, что слово еще „не дотянулось“ до термина» [11, с. 141]. Интересно отметить, что также отмечаются кавычками специальные лексические единицы, которые не воспринимаются как полноценные термины, и в ряде других справочно-энциклопедических изданий. Так, в многоязычном словаре терминов по физической географии в кавычках приведены сочетания *кроткая вода* («период смены приливных течений на отливные»), *алмазная пыль* («мельчайшие кристаллы льда, ... осаждаемые из чистого воздуха при очень низкой температуре»), *бараны лбы* («округлые выступы склонов или невысокие холмы овальных очертаний») [см. 22].

В целом аналогичная трактовка этих явлений предложена В. Н. Прохоровой в словарной статье «Профессионализм» энциклопедии «Русский язык», где в качестве примеров приведены *ляп* («опечатка» в речи газетчиков), *баранка* («круль; рулевое колесо» в речи шоферов), *кастрюля* («синхрофазотрон» у физиков)⁸. При таком подходе термины и профессионализмы, получая тождественную или близкую семантическую характеристику, могут резко различаться узусом, ориентацией на сферу употребления. Наиболее ярко эта картина наблюдается при существовании коррелятивной пары, один член которой идентифицируется как термин, а другой — как профессионализм: ср. *опечатка* — *ляп*, *рулевое колесо* — *баранка*, *синхрофазотрон* — *кастрюля*.

Здесь рельефно выступают все особенности этой части профессиональной лексики: 1) большая или меньшая ненормированность употребления слова или словосочетания в данном его значении, 2) функционально-стилевая ограниченность употребления и 3) наличие эмоционально-экспрессивных коннотаций.

Все три характеристики профессионализмов тесно связаны, но, пожалуй, наиболее важными являются первые две (ибо существуют примеры, когда третья действует в очень ослабленном виде). Чрезвычайно важно, что речь идет о норме употребления социально значимых единиц, т. е. в какой-то мере уже принятых, установившихся, а не окказиональных. Объектом нормативного подхода оказывается, таким образом, не факт номинации (правильно или неправильно образован, построен данный знак), но факт употребления данного знака в данном значении и в данной ситуации общения⁹. Отсюда следует тесное взаимодействие нормативно-стилистических и собственно семантических аспектов функционирования подобных единиц. Это обуславливает и нежелательность употребления профессионализмов в стиле официальных документов и письменной научной прозы. Языковеды, изучающие специальную лексику это о типа, обычно едины в признании

⁸ В статье отмечается и существование других точек зрения [17].

⁹ Следует также иметь в виду, что профессиональная норма — явление чрезвычайное сложное и может не во всем повторять литературную норму (см. об этом работу В. П. Даниленко и Л. И. Скворцова [23]).

ее ориентации на устное общение и относят ее к элементам «разговорной речи», «устного варианта языка» и т. п. [18, 20]. Разговорный характер профессионализмов, подтверждая тезис об их функционально-стилевой ограниченности, в то же время противопоставляет их термину, которые обычно относятся к лексике книжной.

Ограничение употребления профессионализмов разговорным стилем общения тесно связано с другой их характеристикой (возможно также, что оно есть прямое следствие этой характеристики). Речь идет об эмоциональности, экспрессивности этого типа специальной лексики, в связи с чем отмечают еще и его особую образность.

Понятия «эмоциональности», «экспрессивности», «образности» вряд ли устоялись в лингвистике настолько твердо, чтобы говорить об их общепринятости. Однако для целей настоящей работы этого и не требуется. Важно другое: в различном сочетании или в своей совокупности соответствующие свойства характеризуют профессиональную лексику как особый тип специальной лексики, отличной от терминологии. Отличие здесь заключается в существовании особого аспекта смыслового восприятия, который можно было бы назвать «динамическим» и который отсутствует у терминов. Этот аспект обращен к внутренней форме слова (или словосочетания), к выбранному способу номинации. Он неизменно влечет осознание не только того, что обозначается, но и осознание того, как обозначается, что в свою очередь вызывает и соответствующие ассоциации. Так, англ. *coventrate* [«подвергать разрушительной бомбардировке с воздуха» (воен.)] вызывает образ Ковентри — английского города, подвергнувшегося варварской бомбардировке во Вторую мировую войну; англ. *bruiser* [«боксер-профессионал» (спорт.)] оценивается как яркая характеристика спортсмена-боксера: «тот, кто ставит синяки» — от англ. *bruise* («синяк, ставить синяки») ¹⁰.

Эмоционально-экспрессивная окрашенность подобных единиц часто определяется внеязыковыми факторами: отношением к соответствующим явлениям, денотатам, которые стоят за семантически производным и семантически производящим словом. Нередко внеязыковые и собственно языковые факторы переплетаются: говорящий оценивает не только денотаты, но и сам переход одного и того же имени на другой объект. Не всегда эта оценка той же степени интенсивности, что в приведенных выше примерах, не всегда смысловая аналогия столь прозрачна, но важно, что этот динамический аспект слова сохраняет свою силу. Для профессионализмов этот аспект их восприятия существует и действует в синхронии, для терминов он актуален только в диахронии: ср. термины *лопатка*, *коленная чашечка* (медицина), или *сошка*, *хомут*, *вилка*, *сухарь* как обозначения различных деталей и узлов в технике (например, *сошка рулевого управления*, *шток вилки выключения*, *блокировочный сухарь штока* в автоделе).

В то же время исчезновение «динамизма» у этой части профессиональных наименований и полная замена его семантической «статикой» терминов не есть одномоментный акт. Это может быть длительный, социально обусловленный процесс профессионального употребления и терминологического становления данного слова или словосочетания. Только когда употребление слова или словосочетания в специальном значении достигает известного автоматизма, который исключает ассоциации, выдвинутые внутренней формой, только когда этот процесс достаточно широко охватил специалистов соответствующей области и получил отражение в социально-языковой практике устного и письменного общения, — только тогда, по-видимому, можно говорить в полной мере о термине с присущей ему стилистической нейтральностью, отсутствием экспрессивности и эмоциональности. Отсюда неизбежно следует известная относительность противопоставления «эмоциональность — неэмоциональность», продиктованная степенью терминологического, внеассоциативного освое-

¹⁰ Эта лексика, подсчитываясь помету «прсф.» в Большом англо-русском словаре под ред. И. Р. Гальперина (М., 1977), послужила материалом изучения для Н. Н. Медведевой [20].

ния языковых единиц. Можно согласиться с В. Н. Прохоровой, когда она настаивает на том, что раз есть внутренняя форма слова (реализуемая посредством метафоры, метонимии, образа), то есть и эмоциональность [24]. Но не следует забывать, что сама внутренняя форма небезразлична к языковому узусу, к степени освоения слова или словосочетания в данном его новом значении. Именно с этих позиций следует, на наш взгляд, подходить к таким использованным ею примерам, как *старение* (*динамита*), *жандарм* («крутой скальный выступ»), *собачка* (*спускового механизма*), *лопатка*, *коленная чашечка*. Последние два примера, на наш взгляд, иллюстрируют случаи терминологически устоявшегося словопотребления в медицине, когда степень эмоциональности, вопреки мнению автора, равна или близка к нулю. В других примерах это, возможно, и не так, но в той мере, в какой внутренняя мотивация значения (а с нею и образность, и эмоциональность) сохраняется, в той же мере соответствующие единицы дальше от терминологии (ср. в особенности *жандарм*). Близкая точка зрения по этому вопросу высказывалась В. П. Петушковым [25]. Именно постепенностью процесса терминологизации, исчезновении всех эмоциональных коннотаций и существованием промежуточных случаев во многом объясняется, по-видимому, длительная научная полемика по вопросу о существовании / несуществовании эмоционально окрашенных терминов [26—28].

Итак, имея в виду известную градуальность всех выделенных критериев, можно наметить следующую оппозицию между профессионализмами и терминами: а) большее или меньшее отклонение от нормы профессионального употребления — соответствие норме профессионального употребления, б) ограниченность разговорным стилем — неограниченность разговорным стилем, в) присутствие эмоционально-экспрессивных коннотаций и образности — отсутствие эмоционально-экспрессивных коннотаций и образности.

Такая характеристика этого слоя профессиональной лексики делает весьма правдоподобной гипотезу о том, что она является частью профессионального просторечия или промежуточного между профессиональным просторечием и собственно терминологией лексического класса¹¹. Отчасти эта мысль выражена в уже упомянутой словарной статье В. Н. Прохоровой: «[Профессионализмы] выступают обычно как просторечные эквиваленты соответствующих по значению терминов», — пишет автор [17, с. 240]. Профессионализмы как часть профессионального просторечия выражают специальные понятия и семантически близки к терминам, но не могут считаться полноправными терминами по причине нестандартного, отличного от нормы способа выражения этих понятий. Характерно, что в работах Д. С. Лихачева и Л. В. Успенского тридцатых годов аналогичный лексический материал квалифицируется как профессиональное арго [30¹², 31]; большее отклонение от нормы и большая стилистическая сниженность характеризуют лексику, стоящую еще дальше от терминов — лексику профессионального жаргона (см. об этом [11, 20]). Наиболее отчетливо взаимоотношения между термином и профессионализмом выступают в синонимической паре, один член которой бесспорно является термином, а другой, не удовлетворяя требованиям нормы, принадлежит профессиональному просторечию. Когда терминологический эквивалент профессионализма отсутствует, сам профессионализм претендует на то, чтобы занять «смысловую нишу» и стать термином. Произойдет это на самом деле или нет, зависит от огромного разнообразия факторов профессионального словопотребления, от устной и письменной практики профессионального общения. Таким образом, границы между терминологией и профессиональной лексикой очень подвижны и неопределенны не в силу «плохих» критериев их разграничения, но в силу подвижности и гибкости самого языкового узуса, в силу постоянного и сложного взаимодействия профессионального просторечия и профессиональной нормы.

¹¹ О профессиональном просторечии см., например, [28].

¹² Эта статья Д. С. Лихачева впервые была опубликована в 1964 г.

По-видимому, существует немало сфер профессиональной деятельности, лексика которых наряду с устоявшейся и соответствующей норме профессионального употребления терминологией содержит слова и словосочетания, занимающие промежуточное положение между собственно терминологией и профессиональным просторечием (ср. с понятием «полутерминов» (*Halbtermini*)) в работе [32]).

Так, при описании русской культовой архитектуры, и в частности ее декора, могут использоваться лексемы типа *бусина*, *городки*, *дынька*, *бегунец* и т. п. Имея весьма специальное значение, единицы эти не вошли пока в архитектурный лексикон терминологически столь же твердо, как, скажем, названия других, конструктивно более важных частей церкви — *глава*, *барабан*, *закомара*, *кокошники*. (Характерно, что *бусина*, *городки* и т. п., оказываясь в тексте, часто берутся в кавычки, чего не бывает с терминами типа *глава*.) И здесь классификационные рамки профессионального просторечия, профессионализмов, по-видимому, уместны. Возвращаясь к приведенным примерам, мы можем заметить, что в подъязыке физической географии терминологизация единиц *ледниковый язык*, *ледяная крупа*, *крыло сброса*, по-видимому, уже совершилась: в упомянутом словаре терминов по физической географии они поданы без кавычек, как полноправные термины; в то же время сочетания *алмазная пыль*, *кроткая вода*, *бараны лбы* оформлены здесь кавычками и их терминологизация, вероятнее всего, еще не закончена.

В этих примерах обычно прослеживается хотя бы частичная экспрессивность, образность профессионализмов. Существуют, по-видимому, и случаи, когда этот фактор не имеет самодовлеющего значения. Так, в среде археологов как своеобразные сокращения терминов *каменный век*, *бронзовый век*, *железный век* используются *камень*, *бронза*, *железо* (в выражениях типа *он специалист по бронзе*). Подобные слова, безусловно, следует отнести к профессиональному просторечию: корреляции вида *каменный век* — *камень* при устоявшейся терминологичности выражения *каменный век* вполне позволяют дать им такую квалификацию. Также в археологии встречаются как будто лишённые особой эмоциональности и экспрессивности слова и словосочетания *западина* («углубление в почве на месте древней землянки или полуземлянки»), *дневная поверхность* («поверхность почвы на данный период времени»), *погребённая почва* («почва, лежащая под искусственной насыпью кургана»). Для этих единиц отсутствуют корреляции с полноценными терминами типа *камень* — *каменный век*, что приближает их к терминологии и не позволяет числить целиком в лексике профессионального просторечия. В то же время пока их нельзя отнести и к полноправным терминам типа *археологическая культура*, *грунтовой могильник* и т. п. Наиболее правильной будет, на наш взгляд, их оценка как промежуточного явления, полутерминов, и только использование подобных единиц в языковой практике может решить их судьбу: останутся ли они в рамках профессионального употребления, не вполне узаконенного с точки зрения профессиональной нормы письменного общения, перейдут ли они со временем в разряд полноценных терминов или, наконец, будут длительное время сохранять свое промежуточное положение.

Таковы, по нашему мнению, три основные точки зрения на соотношение «профессиональная лексика — терминология». При этом мы стремились очертить лишь основные контуры проблемы, наметить лишь в какой-то мере устоявшиеся взгляды¹³, намеренно отказываясь от рассмотрения многочисленных деталей. По этой же причине мы сознательно не останавливались на тех работах, в которых второй и третий подходы к разграничению профессиональной лексики и терминов, с нашей точки зрения, несколько эклектично смешиваются. Наконец, необходимо сделать еще два замечания.

¹³ Так, мы не затронули, например, тезиса, согласно которому «важнейшее различие здесь заключается в том, что научная терминология создается искусственно, тогда как профессиональная лексика возникает стихийно» [10, с. 130].

1. При всем разнообразии возможных подходов вряд ли целесообразно исключать из профессионального словаря специальную терминологическую лексику, которая вполне подчиняется устоявшейся норме и является самым обычным способом обозначения соответствующих реалий в профессиональном общении. Станным и неестественным представляется положение, при котором термины *фонема, морфема, согласование, синтаксическая структура* оказываются вне рамок лексики соответствующей профессии, — в данном случае профессии лингвиста. Термины таких сфер профессиональной деятельности, как наука, техника, искусство, ныне живущие ремесла — если только это действительно термины, согласованные с нормой устоявшегося здесь словоупотребления, — по-видимому, являются и частью лексики соответствующей профессии.

2. Существуют также области человеческой деятельности, которые не могут расцениваться как профессиональные. В то же время они могут обладать более или менее развитой, семантически весьма специализированной лексикой. Достаточно упомянуть, например, такие массовые явления современной общественной жизни, как туризм или непрофессиональный спорт с их обширнейшей специальной лексикой [33—35]. Вполне правомерна поэтому традиция говорить о терминологии различных видов спорта, как игровых (*пенальти, офсайт, угловой — футбол, рокировка, цугцванг — шахматы*), так и неигровых (*переворот вперед прогнувшись, отмах переворотом, полушагат прогнувшись — гимнастика*). К непрофессиональной терминологии, по всей вероятности, следует отнести и лексику некоторых игр, имеющих свои твердые правила, но не являющихся спортивными (типа *мизер, марьяж, бланковый король* и т. п. в преферансе)¹⁴. Весьма своеобразна пестрая терминология любительского коллекционирования, в котором ведущие места занимают филателия, фалеристика и нумизматика. Немногочисленна, но в сфере своего употребления весьма значима лексика, обслуживающая тематическую область «Безопасность движения». К управлению автомобилем в наши дни привлечены миллионы людей, значительная часть которых отнюдь не является шоферами-профессионалами. Заслуживает в этой связи внимания тот факт, что «Правила дорожного движения» в специальном разделе разъясняют значение некоторых терминов этой сферы знания: ср. *стоянка, остановка, обгон* и т. п.

Подобные факты убедительно свидетельствуют о наличии больших пластов терминологии, которую невозможно подвести под разряд профессиональной лексики, что позволяет говорить лишь о частичном совпадении профессиональной и терминологической лексики. В самом деле, существуют термины (в том числе вполне нейтральные с точки зрения стилистической и нормативной характеристики), которые невозможно отнести к профессиональной лексике, так как они обслуживают непрофессиональные сферы общения. Аналогично и профессиональная лексика не может быть полностью сведена к терминологии, ибо известная ее часть не соответствует установленной норме профессионального словоупотребления. В то же время бесспорны и подвижность границ между этими классами языковых единиц, и существование значительной общей части. Эту общую часть составляет терминология всех занятий, которые могут быть отнесены к профессиональной деятельности.

Итак, три основные точки зрения на соотношение «профессиональная лексика — терминология» кратко могут быть охарактеризованы следующим образом.

Первая из них отождествляет эти два понятия. Вторая — разделяет профессиональную лексику и терминологию некоторой историко-тематической чертой. Третья точка зрения, констатируя наличие значительной общей части этих лексических пластов, может объяснить и существование несовпадающих частей. С учетом сделанных замечаний мы хотели бы присоединиться к последней из них.

¹⁴ Не случайно в Библиографию терминологических словарей И. М. Кауфмана включены словари лексики различных видов спорта и неспортивных игр (бильярда, карточных игр) [36].

1. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка: Пособие для студентов пед. ин-тов. 2-е изд. М., 1972, с. 124.
2. Кузнец М. Д., Скребнев Ю. Н. Стилистика английского языка. Л., 1960.
3. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка: Учебник для вузов по специальности «Журналистика». 4-е изд. М., 1977.
4. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
5. Степанова М. Д., Чернышева П. И. Лексикология современного немецкого языка. М., 1962.
6. Портянникова В. Н. Некоторые проблемы лексической характеристики жаргонизмов (на материале «молодежного жаргона» современного немецкого языка в ФРГ): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1971, с. 3.
7. Kluge F. Unser Deutsch. Einführung in die Muttersprache. 6. Aufl. Heidelberg, 1958, S. 117.
8. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967.
9. Lorenz J. Russische Jagdterminologie: Analyse des Sprachgebrauchs der Jäger. München, 1978.
10. Косовский Б. И. Общее языкознание. Учение о слове и словарном составе языка. Минск, 1974.
11. Калинин А. В. Лексика русского языка. М., 1978.
12. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.
13. Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.
14. Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948.
15. Богородский В. Л. Русская судоходная терминология в историческом аспекте: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Л., 1964.
16. Шовкопояс А. Г. Семантическая и словообразовательная характеристика профессионально-терминологической лексики плотничества: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Киев, 1975.
17. Прохорова В. Н. Профессионализм. — В кн.: Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.
18. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. М., 1978.
19. Сергеев В. Н. Профессионализмы как объект лексикографии. — В кн.: Современная русская лексикография. 1980. Л., 1981.
20. Медведева Н. Н. Характерные особенности профессионализмов английского языка. — В кн.: Структура словаря и вопросы словообразования германских языков: Межвуз. сб. научных трудов. Пятигорск, 1981.
21. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 371.
22. Четырехязычный энциклопедический словарь терминов по физической географии. Сост. Щукин И. С., М., 1980.
23. Даниленко В. П., Скворцов Л. И. Нормативные основы унификации терминологии. — В кн.: Культура речи в технической документации (на материале ГОСТов и специальной литературы). М., 1982.
24. Прохорова В. Н. Семантика термина. — Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1981, № 3, с. 24.
25. Петушков В. П. Лингвистика и терминоведение. — В кн.: Терминология и норма. М., 1972, с. 107.
26. Реформатский А. А. Что такое термин и терминология. М., 1959.
27. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1967. М., 1968.
28. Прохорова В. Н. Об эмоциональности термина. — В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.
29. Салимова Р. Х. Современное профессиональное просторечие. (На материале военной русской лексики советской эпохи): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1974.
30. Лихачев Д. С. Арготические слова профессиональной речи. — В кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.
31. Успенский Л. В. Материалы по языку русских легчиков. — В кн.: Язык и мышление. Т. 6—7. Л., 1936.
32. Schmidt W. Character und gesellschaftliche Bedeutung der Fachsprachen. — Sprachpflege, 1969, № 1.
33. Шилулина Г. И. Формирование туристской лексики в современном русском языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1981.
34. Кондрашкина С. И. Составные спортивные термины в современном русском языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1975.
35. Otasevici S. Terminologie sportiva ruse (TSR) studiul lexico-semantic. București, 1977.
36. Кауфман И. М. Терминологические словари. М., 1961.